

Колесников А.В.
24.11

Исх. № АВ/вс-11
«18» XI 2016 г.

В судебную коллегию по делам военнослужащих
Верховного суда Российской Федерации
121260, г. Москва, ул. Поварская, д. 15

через Северо-Кавказский окружной военный суд
344038, г. Ростов-на-Дону,
проспект Михаила Нагибина, д.28/1

от адвоката Хасавова Дагира Зиявдиновича
Управляющего партнера Адвокатского бюро
«Дагир Хасавов и партнеры» - ДРАКОНТА,
г.Москва, расположенного по адресу:
121170, г.Москва, Кутузовский проспект 36, стр.4,
тел. + 7 (499) 653 59 59, моб. +7 (925) 100 99 99

в защиту подсудимого Магомедова Магомеднаби,
осужденного за совершение преступлений,
предусмотренных ч.1 ст.205.2 УК РФ и
ч.1 ст. 282 УК РФ

24 НОЯ 2016

Апелляционная жалоба

Северо-Кавказский окружной военный суд в составе: председательствующего Колесникова А.В., судей Подольского Р.В. и Катаяна Р.Г., при секретарях судебного заседания Хандилян Л.А. и Каминской М.В., с участием государственного обвинителя – старшего прокурора отдела прокуратуры Республики Дагестан советника юстиции Мусаева А.М., 24 октября 2016г. приговорил:

«Магомедова Магомеднаби признать виновным в действиях направленных на возбуждение вражды по признаку отношения к религии, принадлежности к социальной группе, совершенных публично, то есть в преступлении, предусмотренном ч.1 ст. 282 УК РФ (в редакции Федеральных законов от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ и от 3 февраля 2014 г. № 5-ФЗ), на основании которой назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 3 (три) года.

115035 г. Москва, ул. Садовническая 57, стр.1, офис 74
тел./факс: +7(495) 663-7743 dagir@khasavov.com www.drakonta.ru

1

«18» листов Вх. № 1-16070
«18» 11 2016 г.
Северо-Кавказский
окружной военный суд

Его же признать виновным в публичном оправдании терроризма, то есть в преступлении, предусмотренном ч.1 ст.205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 7 декабря 2011 г. №420 – ФЗ), на основании которой назначить ему наказание в виде лишения свободы на срок 4 (четыре) года.

На основании ч.2 ст.69 УК РФ окончательное наказание по совокупности преступлений назначить осужденному Магомедову М. путем частичного сложения назначенных в виде лишения свободы на срок 5 (пять) лет, с применением п. «а» ч.1 ст. 58 УК РФ, в исправительной колонии общего режима.

Срок отбывания наказания исчислять осужденному Магомедову М. с 24 октября 2016г., с зачетом его задержания и времени содержания под стражей в связи с данным делом с 8 апреля 2016г. по 23 октября 2016г. включительно.

До вступления приговора в законную силу меру пресечения – заключение под стражу в отношении осужденного Магомедова М., оставить без изменения и содержать его в ФКУ СИЗО – 1 ГУФСИН России по Ростовской области».

Считаю, что обвинительный приговор в отношении Магомеднаби Магомедова, религиозного деятеля – имама мечети «Восточный» в г.Хасавюрте (Республика Дагестан) за пятничную проповедь, осуществленную в рамках реализации конституционного права на религиозную свободу, является не только непропорциональным, незаконным вмешательством в религиозную деятельность, но и демонстративным нарушением прав верующего в Бога человека.

Приговор вынесли с нарушением норм процессуального и материального права, в результате неправильного применения судьями уголовного закона, в силу чего является несправедливым, незаконным и подлежит отмене.

Согласно статьи 297 УПК РФ приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым и часть 2 этой статьи определяет, что «приговор признается законным, обоснованным и справедливым, если он постановлен **в соответствии с требованиями** настоящего Кодекса и **основан на правильном применении закона**».

Часть 4 ст.302 УПК РФ содержит норму, согласно которой «Обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в совершении преступления подтверждается совокупностью исследованных судом доказательств.

Однако, большинство показаний свидетелей, полученных в ходе судебного следствия, в пользу Магомедова М. получили обратную оценку суда.

При этом, множество, так называемых, «доказательств» по делу, если не сказать все, были получены следствием незаконно и это подтвердили большинство допрошенных свидетелей. Их показания не только однотипные, но и одни и те же обороты речи, целые абзацы переносились из показаний одного свидетеля в показания другого. Так, в показаниях свидетеля Мирзоева М.М. есть такие слова:

«В своей проповеди имам призывал прихожан мечети к ненависти по отношению к сотрудникам правоохранительных органов, власти Республики Дагестан». Он понял со слов Магомеднаби, что последний призывал противостоять органам, властям Республики Дагестан и сотрудникам правоохранительных органов. «Магомеднаби «Сильдинский» также негативно высказался в адрес лиц, исповедующих другие религиозные течения».

Аналогичный текст, слово в слово, содержится и в показаниях другого свидетеля Магомедова М.М., а также у свидетеля Алиева А.А.

Другие свидетели Алиев М.У., Базаев Р.И., Устарханов А.Д., Дадаев Д.Х., Ашалов И.М. дали одинаковые показания, тексты которых в части определения вины имама мечети Магомеднаби Магомедова дословно одинаковые.

Указанные выше факты свидетельствуют не о показаниях свидетелей, а изначально подготовленном шаблоне текста показаний самим следователем, что подтвердилось в ходе допроса в суде ряда свидетелей.

Суд не дал объективную оценку этим показаниям, и не проверил на предмет достоверности и допустимости подобных доказательств, как и заключения лингвистической экспертизы.

Конституция Российской Федерации предусматривает, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ст. 50, ч. 2), при этом каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда (ст. 49, ч. 1).

Уголовно-процессуальное законодательство устанавливает конкретные процессуальные механизмы реализации указанных конституционных положений на различных этапах досудебного и судебного производства (статьи 75, 88, 235, ч. 5 ст. 335 УПК РФ). Так, по смыслу взаимосвязанных

положений ч. 4 ст. 88, пункта 2 ч. 1 ст. 227, пункта 1 ч. 2 ст. 229, ч. 5 ст. 234 и ст. 235 УПК РФ, устранение недопустимых доказательств должно осуществляться, прежде всего, на стадии предварительного слушания, при этом в силу статьи 271 и ч. 5 статьи 335 данного Кодекса не исключается возможность разрешения вопроса об их допустимости и на более позднем этапе судопроизводства – в тех случаях, когда несоответствие доказательств требованиям закона не является для суда очевидным и требует проверки с помощью других доказательств.

Разрешение этих вопросов – прерогатива суда, чье решение, однако, в силу ст. 7 УПК Российской Федерации, возлагающей на суд обязанность обеспечивать законность при производстве по уголовному делу, не может быть произвольным. Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются; иное создало бы преимущества для стороны обвинения, исказило бы содержание ее обязанности по доказыванию обвинения и опровержению сомнений в виновности лица, позволяя игнорировать данные, подтверждающие эти сомнения (Постановление от 3 мая 1995 года № 4-П, определения от 8 июля 2004 года № 237 – О и от 25 января 2005 года № 42 – О).

Согласно ст. 123 (ч. 3) Конституции Российской Федерации судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон. Применительно к уголовному судопроизводству это означает, как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд Российской Федерации, что обвинение и защита, являющиеся сторонами в процессе, наделены равными процессуальными возможностями при рассмотрении дела; **суд же в ходе производства по делу не может становиться ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты, подменять стороны, принимая на себя их процессуальные полномочия, а должен оставаться объективным и беспристрастным арбитром** (Постановления от 20 апреля 1999г. № 7-П, от 14 января 2000г. № 1-П, от 4 марта 2003г. № 2-П, от 8 декабря 2003г. № 18-П).

Кроме того, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, состязательность в уголовном судопроизводстве предполагает, что возбуждение уголовного преследования, формулирование обвинения и его поддержание перед судом обеспечиваются специальными указанными в законе органами и должностными лицами, а также потерпевшими. **Если эти**

участники уголовного судопроизводства не смогли доказать виновность обвиняемого в полном объеме и тем более, если государственный обвинитель не смог этого сделать в суде, то это должно приводить к постановлению в отношении обвиняемого реабилитирующего его решения или обвинительного приговора, констатирующего виновность обвиняемого в менее тяжком преступном деянии.

В ходе судебного следствия мы установили, что задержание Магомеднаби было не только незаконным, но и с применением грубой физической силы, избиениями и одеванием на голову мешка. Однако, эти факты не получили юридической оценки со стороны государственного обвинителя, как и суда.

Мое ходатайство о вынесении по этим нарушениям закона частного определения осталось без всякого внимания и оценки суда.

Суд, вопреки ходатайству защиты, не вынес частного определения по нарушениям законности. Суд при постановлении приговора не дал должной правовой оценки следующим нарушениям норм УПК РФ:

1. В ст. 73 УПК РФ определен круг обстоятельств, которые являются предметом доказывания по уголовному делу, в их числе

- событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Здесь важно было установить: существовал ли сам факт деяния, подпадающий под признаки преступления, т.е. **наличие совершенного деяния, запрещенного уголовным законом со стороны Магомедова М.**

Учитывая, речь идет о проповеди и в мечети, речь идет о реализации религиозных прав и свободы слова.

В связи с этим важно отметить, что не нашло оценки суда события преступления и апеллированной защитой положениями Федерального Закона от 23 ноября 2015г. № 314 ФЗ «О внесении изменения в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»», согласно которому «Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты не могут быть признаны экстремистскими материалами» (статья 3.1).

Подсудимый в своих показаниях в суде, в ходе его допроса и в прениях подтвердил, что его речь 5 февраля 2016г. полностью соответствовала по содержанию, направленности и смыслу слов и выражений тексту Корана.

Конституция РФ в ч.2 ст.50 гласит: «При осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением закона.

Согласно ч.1 ст.75 УПК РФ: «Доказательства, полученные с нарушением закона признаются не имеющими юридической силы и не могут

быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств, перечисленных в ст.73 настоящего Кодекса».

Как видно из приговора, суд не признал не надлежащими доказательства по делу - показания свидетелей Кабаева Т.С., Абдуллаева А.Э., Алиева М.У., Базаева Р.Ш., Ашалова И.М., Магомедова М. и Джамалова М.И., которые засвидетельствовали только то, что имам мечети «Восточный» Магомедов М., лишь призывал к единству верующих, взаимоподдержке в вопросах касающихся защиты от нарушения прав мусульман, от незаконных притеснений со стороны сотрудников правоохранительных органов и законным способом борьбы за свои права.

Однако суд, оценивая показания Кабаева Т.С., Абдуллаева А.Э., Алиева М.У. и Джамалова М.М., которые отметили прямо, что в проповеди подсудимого и инкриминируемых ему призывах указал, что «суд исходит из того, что эти показания носят субъективный характер и опровергаются совокупностью иных исследованных в судебном заседании доказательств, в том числе заключением экспертизы и показаниями других свидетелей».

Но суд не указал какие показания, конкретно чьи и в какой части опровергают показания свидетелей в пользу подсудимого и как подобная позиция суда согласуется с пунктом 3 статьи 14 УПК РФ, что «Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого».

Нарушая принцип презумпции невиновности Магомедова М. и состязательность сторон (ст.15 УПК РФ) суд фактически выступил в роли и на стороне обвинения по многим позициям. Так, в приговоре имеется следующее утверждение:

«Что касается оглашенных в судебном заседании показаний свидетелей Базаева, Ашалова и Магомедова М.А., то суд учитывает, что Базаев и Ашалов являются работниками мечети «Восточная», а потому находятся в зависимости от подсудимого. В связи с этим к их показаниям в судебном заседании суд относится критически, находит их не соответствующими фактическим обстоятельствам дела и данными с целью помочь подсудимому избежать уголовной ответственности за содеянное. Свидетель Магомедов М.А. в суде показал, что не помнит свои показания, данные на предварительном следствии. При этом, все перечисленные свидетели в судебном заседании подтвердили, что перед подписанием протокола допроса им была предоставлена возможность ознакомиться с его содержанием, а при его подписании каких-либо замечаний и дополнений у них не имелось.

В связи с этим, в основу приговора суд кладет показания свидетелей Базаева, Ашалова и Магомедова М.А., **данные ими на предварительном**

следствии. Указанные показания суд признает достоверными и непротиворечивыми, соответствующими фактическим обстоятельствам дела и согласующимися с совокупностью иных доказательств, исследованных в судебном заседании.

Оценивая показания свидетелей защиты Расулова и Нажмудинова о позиции подсудимого, направленной на решение проблем прихожан правовыми способами, суд приходит к выводу о том, что эти показания не свидетельствуют о невинности Магомедова, поскольку не противоречат предъявленному ему обвинению».

Как видно из позиции суда, суд дал большую юридическую силу показаниям свидетелей Базаева, Ашалова и Магомедова М.А., данным им на предварительном следствии, а не на судебном следствии.

Перед судом был поставлен вопрос достоверности заключения экспертизы №213/05-25-15-724, после допроса эксперта Аджаматовой, допустившей умышленные искажения в оценке речи Магомедова М., как и субъективные, произвольные, а не научные толкования содержания худбы (проповеди) и сделано ходатайство, как об исключении этого доказательства, как ненадлежащего и недопустимого доказательства (ст. 74-75 УПК РФ) по правилам статьи 88 УПК РФ, **а также мной было заявлено ходатайство о назначении в порядке пункта 4 ст.283 УПК РФ дополнительной комплексной судебной экспертизы.**

Однако, в судебном решении не нашло отражение результат рассмотрения, как и обоснование отказа защите в ходатайстве о назначении дополнительной психолого-лингвистической экспертизы.

Ошибки и нарушения норм закона при назначении и проведении экспертизы, которые были указаны суду, в приговоре не опровергнуты и не нашли никакой аргументированной оценки:

Задача судебной лингвистической экспертизы - установление наличия/отсутствия **признаков** экстремизма была не выполнена.

Требования к заключению экспертизы: (ст.25 ФЗ ГСАЭД, 204 УПК)

- Если экспертиза не отвечает этим требованиям, она признается недопустимым доказательством.

- Существенная процессуальная ошибка - это нарушение процедуры разъяснения эксперту его прав и ответственности (об этом свидетельствует оформление подписки не на отдельном листе, поскольку эксперт должен давать ее до начала производства экспертизы, а на листе наряду со вводящей частью заключения). См. ст. 57 УПК РФ.

- Нет подписки по ст.62 УПК РФ, которая закрепляет обязанность эксперта заявить самоотвод при наличии соответствующих обстоятельств.

- Дата подписки на титульном листе, которую Аджаматова определила, как техническую ошибку, является свидетельством недостоверности всего...

- **Ошибка процессуального характера:**

- Выход Аджаматовой за пределы своей компетентности, в их числе:

- вторжение в компетенцию другого эксперта, в частности психолога и исламоведа (религиоведа);

- и во-вторых, **осуществление функций правоприменителя.**

- Судебная практика показала, что нередко по делам о словесной экспертизе назначаются комплексные экспертизы. Общая процедура и порядок их производства описаны как в законе (ст. 23 ФЗ ГСЭД, ст.201 УПК РФ), так и в литературе.

- Вторжение в сферу правоприменения путем ответа на правовые вопросы, связанные с квалификацией деяния, как экстремистского либо установлением умысла или объективной стороны преступления, являются недопустимыми. Так, эксперт Аджаматова сделала такой вывод в своем заключении:

«В представленном на исследование материале имеются слова и высказывания, призывающие признать идеологию и практику терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и в подражании».

Таким образом, эксперт прямо указала на объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, что является юридической оценкой деяния и компетенцией следствия и суда, но не эксперта-лингвиста.

Более того, на ее необъективность и мотивированность на фальсификацию экспертного заключения в угоду следствию указывает использование множества слов, не существующих в изученной стенограмме, как и оригинале проповеди (худбы) для сгущения красок, усиления негативного, враждебного восприятия речи Магомедова М., в их числе:

- «все мусульмане, которые не должны молчать»;
- «нормальные мусульмане»;
- «джахиль»; - «немусульмане»;
- «вы» (в значении «немусульмане»);
- «лжец Шайтан»;
- «А у вас от кого?»;
- «неравнодушные мусульмане»;
- «антифашисты»;

- «ГОТОВЫ К БОЮ»;
- «МНОГО».

В тексте проповеди отсутствуют лозунги, в которых использованы существительные смерть, убийства, которые представляют собой свертки более развернутых ситуаций: «желают смерти и призывают убивать», анализ которых кладется экспертом в основание промежуточных и окончательных выводов исследования.

- Эксперт **не должен оценивать** исследуемый текст, как экстремистский, поскольку признание материала экстремистским **относится к компетенции суда.**

Как разъяснил в своем постановлении Пленум ВС РФ от 21 декабря 2010г. № 28, «Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда, как не входящие в его компетенции, не допускается».

• **Методические ошибки**

- анализ фраз, вырванных из контекста, как и использование слов, не существующих в анализируемом тексте;

- подмена высказываний, использование новых слов, приведением цитат и мнений эксперта, не имеющих научного обоснования;

- **основная методическая ошибка - пофрагментный пересказ исследуемого текста, сопровождающийся личными комментариями эксперта, которые основаны не на проведенных исследованиях, а на собственных домыслах;**

- **заключение не основано на таких положениях, которые давали бы возможность проверить обоснованность и достоверность, сделанных выводов экспертом (ст. 8 ФЗ ГСЭД). Не описаны подробно методы и приемы, что исключает возможность проверки правильности выводов эксперта.**

Обстоятельства, подлежащие доказыванию

2. Виновность лица в совершении преступления, форме его вины и **МОТИВЫ.**

В соответствии с ч.1 ст.24 УК РФ виновным в преступлении признается лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности.

При этом должен быть установлен мотив совершения преступления, который представляет собой внутреннюю побудительную причину преступного деяния.

Хотя статья 220 УПК РФ обязывает указывать в обвинительном заключении существо обвинения, место, время совершения преступления, его способы, мотивы и цели, а также другие обстоятельства, но этого нет ни в обвинительном заключении, как и в приговоре.

Мотив должен быть установлен независимо от того, охватывается ли он соответствующим составом преступления, поскольку без этого невозможно определить степень общественной опасности преступления и личности виновного, а этого не было сделано ни следствием, и обвинитель не смог определить мотив совершения вменяемого подсудимому преступления. Возможно, потому и не смог, как и не определил следствием, мотива совершить преступления у Магомеднаби не было и это знает весь Хасавюрт, а теперь, надеюсь, и суд.

- Подлежат также установлению наличие или отсутствие обстоятельств, являющихся основанием для прекращения уголовного дела (см. статью 24 УПК РФ).

Таковыми наряду с остальными являются:

- отсутствие события преступления;
- отсутствие в деянии состава преступления.

Прежде чем перейти к оценке заключения экспертизы, назначенной следствием, важно было посмотреть, установить и определить объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, которая состоит из двух альтернативных действий, под которые, как я считаю, и «подгоняла» свои выводы эксперт Аджаматова:

1. Публичное оправдание терроризма;
2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.

Публичное оправдание терроризма.

Так, в абз. 2 п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указывается на то, что «Согласно примечанию к статье 205.2 УК РФ публичное оправдание терроризма выражается в публичном заявлении о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании. При этом под идеологией и практикой терроризма понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного

самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий (пункт 1 статьи 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»).

Публичное оправдание терроризма может быть выражено как в прямой, так и завуалированной форме, **но главное для квалификации по ч.1 ст. 205.2 УК РФ, чтобы в этом публичном заявлении идеология и практика терроризма признавалась правильными, нуждающимися в поддержке и подражании.**

Однако, в худбе, прочитанной Магомеднаби Магомедовым в мечети «Восточный» в Хасавюрте 5 февраля 2016г., не было сделано заявлений о правильности идеологии и практики терроризма, тем более нуждающимися в поддержке и подражании.

Он дал подробные пояснения по содержанию своей худбы, опроверг обвинения в свой адрес и заявил, что никогда не произносил ни публично, как и по-другому, речи с целью побудить прихожан к осуществлению террористической деятельности, что нашло подтверждение и в ходе судебного следствия, но не в приговоре суда.

В статье 205.2 УК РФ не дается конкретного перечня преступлений, к совершению которых должны быть обращены публичные призывы к осуществлению террористической деятельности.

Это может означать только одно, что уголовный закон не связывает уголовную ответственность по ст. 205.2 УК РФ с публичными призывами к осуществлению хотя бы одного какого-либо преступления террористической направленности или характера. Но Магомедова М. еще обвинили и осудили в рамках этой речи и по ст. 282 УК РФ.

При квалификации по ст. 205.2 УК РФ действия виновного должны быть оценены именно как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, то есть «такие призывы должны носить обобщенный характер, касаться террористической деятельности в целом, без подталкивания к совершению определенного преступления».

Суд не установил достоверно, неопровержимо в чем или в каких словах Магомедова М. имеются призывы к осуществлению террористической деятельности и в каких публичное оправдание терроризма, то есть в чем экстремизм в понимании закона?

В международных документах определяются целый ряд понятий, связанных с экстремизмом. Однако именно понятие «экстремизма» дано только в Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года, которая ратифицирована целым рядом

государств, среди которых и Россия, понятие экстремизм определено как «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством Сторон» (статья 1). **Как видно из данного определения понятие «экстремизм» связывается исключительно с насильственными действиями и высказываниями.**

- **Критерий «необходимости в демократическом обществе»**

Как уже было упомянуто, дела по экстремизму зачастую связаны с ограничением таких фундаментальных прав как свобода выражения мнения, свобода совести и вероисповедания. А подобные ограничения должны соответствовать такому критерию как «необходимость в демократическом обществе». Вмешательство «необходимо в демократическом обществе», если оно «вызвано «острой общественной потребностью», пропорционально преследуемой законной цели, и достаточно обоснованы причины этого ограничения». (См. постановление Европейского Суда по делу «Санди Таймс против Великобритании» от 26 апреля 1979 года, (п.62); постановление по делу «Йерусалем против Австрии» от 27 февраля 2001 года (п.33) и др.). Как указал Европейский суд, свобода выражения мнения составляет одну из необходимых основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса и индивидуального самоосуществления (см. постановление по делу «Лингенс против Австрии» от 8 июля 1986 года). Несмотря на то, что эта свобода подчинена исключениям, они должны быть четко изложены и необходимость ограничений должна быть убедительно доказана (см. постановление Европейского Суда по делу «Обзервер и Гардиан против Соединенного Королевства» от 26 ноября 1991 года (п.59).

В соответствии с п.2 статьи 10, свобода выражения мнения применима не только к «информации» или «идеям», которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и к тем, которые оскорбляют, шокируют или беспокоят. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет «демократического общества» (см. постановление по делу «Хейдисайд против Соединенного Королевства») от 7 декабря 1976 года (п.49).

Европейский Суд при определении «необходимости в демократическом обществе» ограничения уделяет внимание вопросу была ли общественная значимость поднимаемой в материале проблемы, в деле Йерсил против Дании указал:

«Взятый в целом, данный телевизионный сюжет объективно не похож на материал, цель которого состояла в пропаганде расистских идей и взглядов. Напротив, в нем очевидно проглядывало стремление при помощи интервью выставить на всеобщее обозрение, проанализировать и объяснить поведение именно этой группы молодых людей, разочарованных и недовольных своим социальным положением, склонных к насилию и уже имеющих судимости. Таким образом, были затронуты специфические аспекты проблемы, которая уже тогда вызывала большую озабоченность общественности» (п.33).

Также важно, какая мера ответственности применялась в деле, связанным с экстремизмом. Если это уголовная ответственность, то она требует особенно тщательного обоснования и в большинстве случаев может быть признана чрезмерной мерой. Все в том же деле Йерсилда Европейский Суд отметил:

«В этом отношении Суд не приемлет довода Правительства о незначительном размере штрафа; единственное, что имеет значение, так это факт осуждения журналиста» (п.35).

- **Нарушения требований статьи 222 УПК РФ.**

Согласно пункта 2 статьи 222 УПК РФ копия обвинительного заключения с приложениями вручается прокурором обвиняемому.

Однако, Магомедов М., как выяснилось в суде, не получил полный текст обвинительного заключения и, в связи с чем, мной 21 октября 2016г. перед прениями защитников и обвиняемого было сделано ходатайство в порядке статьи 294 УПК РФ о возобновлении судебного следствия для выяснения обстоятельств неполучения полного текста обвинительного заключения самим Магомедовым М. и принятия решения по этому вопросу с целью обеспечения законности в суде.

В полученном неполном экземпляре обвинительного заключения, исследованного судом, не оказалось 13-ти страниц, в том числе, 14 и с 16 по 28 стр., в их числе и текста сделанной стенограммы по худбе (проповеди), что лишало право Магомедова М. в полной мере понять суть обвинения.

Однако, суд, выяснив мнения сторон по этому ходатайству, сделав 10 (десять) минут перерыв в судебном заседании, определил: «Для решения

заявленного защитником Хасавовым Д.З. ходатайства возобновить судебное следствие...»

Однако, исследовав ряд материалов по этому факту из уголовного дела и, допросив самого подсудимого Магомедова М., по обстоятельствам недополучения полного текста обвинительного заключения, суд определил:

«В удовлетворении заявленного защитником Хасавовым Д.З. ходатайства о возбуждении судебного следствия отказать (хотя судебное следствие было процедурно возобновлено см. лист 14 Протокола судебного заседания от 17.10.2016г.), поскольку озвученные им обстоятельства не являются основанием для возобновления судебного следствия в соответствии со ст. 294 УПК РФ».

В данном случае суд допустил как нарушение прав обвиняемого, так и нормы УПК РФ, что является самостоятельным основанием для отмены обжалуемого приговора суда.

С учетом вышеизложенного, руководствуясь ч.1 389.1 УПК РФ и п.2 ч.1 ст. 389.20 УПК РФ,

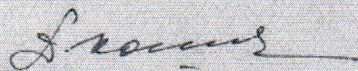
ПРОШУ :

Отменить обвинительный приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 24.10.2016 года в отношении Магомедова Магомеднаби (без отчества), 03.10.1972 г.р., осужденного за совершение преступлений, предусмотренных ч.1 ст.205.2 УК РФ и ч.1 ст.282 УК РФ, и вынести в отношении него оправдательный приговор по всем предъявленным обвинениям.

Приложения:

1. Копия приговора СКОВС от 24 октября 2016 года;
2. Копия постановления СКОВС от 25 октября 2016 года;
3. Копия сопроводительного письма от СКОВС №2/17165 от 26 октября 2016 года;
4. Ордер (оригинал) адвоката Хасавова Д.З. № 074800 от 18 ноября 2016г.

Адвокат

Хасавов Д.З.

Подлежит возврату в
Северо-Кавказский окружной военный суд
344038, г. Ростов-на-Дону,
просп. Михаила Нагибина, 28/1
тел. 8-863-245-65-07, ф. 8-863-242-89-92

РАСПИСКА

Я, _____
(Ф.И.О., процессуальное положение)
копию апелляционной жалобы защитника осужденного Магомедова М. –
адвоката Хасавова Д.З. на приговор Северо-Кавказского окружного военного суда
от 24 октября 2016 г. в отношении Магомедова Магомеднаби на 14 л.

получил (а) « ____ » _____ 2016 г.

(подпись)

Расписку отобрал _____
(должность, фамилия, инициалы)